

A dark, atmospheric night scene. A large, bright full moon hangs in a cloudy sky. Bare, gnarled trees frame the scene on both sides. In the lower right, a small, rustic wooden cabin with a chimney and a single lit window stands in a dark, wooded area. The overall mood is mysterious and somber.

Mit Win

**Были и небылицы по обе стороны
Днепра**

Mit Win

**Были и небылицы по
обе стороны Днепра**

«Автор»

2026

Win M.

Были и небылицы по обе стороны Днепра / М. Win — «Автор»,
2026

Кто знает, что творится в глухих деревнях, на дальних хуторах, когда в домах гаснут сальные свечи, наступает темная ночь, на траву опускается густой, душный туман? В краях, раскинувшихся по обе стороны Днепра, грань между реальным миром и мистикой очень тонка. Какие чудеса происходили в старой избушке-мазанке с соломенной крышей у старушки Клавдии? Как старый еврей пробирался по гиблой болотной местности до своей скрипучей мельницы? А баба Глафира, обмершая от неожиданного ночного визита черного кота? Небылица или чистая бывальщина?

© Win M., 2026

© Автор, 2026

Содержание

О том, как баба Груня от погони спасалась	5
Глава 2	7
Глава 3	8

Mit Win

Были и небылицы по обе стороны Днепра

О том, как баба Груня от погони спасалась

– Ох, Аграфена Демьяновна, не знаю, Леонтий все сидит в чулане, который день уже. Точно сыч, – произнесла старушка Матрена, разливая бледными руками горячий взвар из сушеных фруктов по глиняным чашкам.

– Матрена Тимофеевна, я ведь все слышу! – раздался тихий, будто из-под земли, голос Леонтия, прямо справа от побеленной глиняной печи.

Ох, Господи! – Аграфена Демьяновна аж подпрыгнула на лавке, едва не выронив чашку из рук. – Вот же-с скотина этакая! Да у меня чуть сердце в пятки не ушло, в могилу раньше времени меня сведешь! Ты чего там за печью притаился, старый греховодник?

– Блинами запахло до самого чулана, – глухо отозвался Леонтий.

– А ты, я смотрю, уже уши наострил! – перебивая, произнесла Матрена. – Я их еще в полудне жарила. Нюх вас подводит, Леонтий Семенович!

Леонтий с кряхтением полез на печь. Старуха Матрена, вздохнув, подала пару свертков блинов на деревянной тарелочке.

– На, поешь, хватит ночью посудой греметь! – произнесла Матрена, сдвинув брови, пригрозив Леонтию кулаком прямо перед его носом.

– Я три дня из чулана не вылезал, дверь заело, думал, так и останусь там сидеть до конца своих дней, – обиженно проворчал Леонтий, жуя блин.

– Дурачок ты, Леонтий! – Всплеснула руками Матрена. – Чего не постучал-то?!

– Да звал я! Кулаком в доску барабанил, чуть костяшки все не расшиб! Да толку? – отозвался Леонтий, утирая усы. – Вас, баб, разве перекричишь, когда вы на селе сплетни собираете? Притих я, обиделся... А как ночь накрыла избу, так я в угол забился, сердце так билось, казалось, будто вот-вот и выпрыгнет, боязно стало в темноте-то сидеть.

Баба Груня тихонько усмехнулась в кулак, смотря на семейство Сидоровых, но, глянув в низенькое окошко, где густела темная чаща, засуетилась.

– Ну полно вам шуметь, полуночники, – ласково сказала баба Груня, поднимаясь со скамьи и направляясь к выходу. – Засиделась я у вас, ведь полночь на дворе, да не простая – Страстная пятница. Пора, побегу я домой, пока туман точно мантия всю дорогу не скрыл.

Она повязала на голову шерстяной платок, перекрестилась хозяев на прощанье и шагнула в темноту. Тяжелая дубовая дверь избы захлопнулась за спиной, отрезав свет и людские голоса, оставив бабу Груню наедине с деревенской ночью.

Деревенская улочка тонула в привычной тишине, лишь изредка прерываемой далеким лаем собак. Свет из окон изб освещал заросшую тропинку, по краям которой мерно росли еще мелкие одуванчики, окруженные молодой травой.

Но стоило только бабе Груне отойти от избы Сидоровых на чуть меньше одной пятой версты, как ночь сменила свое привычное лицо. Туман, до этого мирно лежавший на мокрых от росы низинах, вдруг поменял свое направление, ползя вверх. Густея, он превращался в плотную вуаль, поглощая все на своем пути. Казалось, будто кто-то наблюдал из темноты. Ветер налетел с такой силой, что деревья стонали, будто живые. Он ломал ветки, пригибая их к самой земли, и казалось, будто стоящий неподалеку лес не выдержит этого натиска и склонится под его напором.

Помимо свиста ветра, до ушей Аграфены Демьяновны долетели глухие отголоски ритмичного топота копыт. Сердце забилося в груди, выстукивая сумасшедший ритм прямо в уши. Топот за спиной не отставал - напротив становился отчетливее, громче, ближе. Не выдержав, она обернулась прямо на ходу. Над ней возвышался темный, зловещий силуэт: огромный вороной конь, а на нем всадник, чье лицо полностью скрыто за чернильным капюшоном. Всадник издал чужеродный пугающий звук, собираясь склониться и затоптать бабу Груню.

Страх ледяной волной окатил женщину, приводя в чувство. В ней проснулась первобытная воля к жизни – это была та самая вера, которая заставляет человека бороться до конца, спасаться и бежать вперед, что есть силы. Аграфена Демьяновна рванула с места.

Погоня обрушилась на нее всей своей тяжестью. Преследователь дышал ей прямо в затылок – она ощущала кожей идущее от морды коня горячее, обжигающее дыхание, пахнущее сырой землей. Стук копыт становился быстрее, враждебнее; казалось, будто вот сейчас он растопчет, забьет до смерти. Ноги подкашивались, становясь ватными, легкие горели от нехватки воздуха, но она бежала, ведомая лишь одним желанием – *спастись*.

Вдалеке наконец показался родной силуэт избы. Словно в беспамятстве, баба Груня влетела на крыльцо, ворвалась в сени, и со всего маху захлопнула дверь, навалившись на нее всем телом, спешно задвигая дубовый засов. По ту сторону раздался глухой, яростный, тяжелый конский топот, заставляя все содрогнуться.

Упав на колени прямо у входа, баба Груня, хрипло дыша, дрожащими пальцами схватилась за нательный крестик и истово, со слезами на глазах, начала молиться, да так, словно она все еще находилась в самом пекле событий.

Глава 2

Глава 3